

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Мальшева Н.В.
Malisheva N.V.

БУГАЙСКИ, М. ЯЗЫК КОММУНИКАЦИИ / ПЕР. С ПОЛЬСК. – Х.: ИЗД-ВО «ГУМАНИТАРНЫЙ ЦЕНТР», АРТЕМЕНКО Э. Г., 2010. – 544 С.

BUGAJSKI, M. LANGUAGE OF COMMUNICATION / TRANSLATED FROM POLISH. – KHARKOV: HUMANITARNY TSENTR, ARTEMENKO E.G., 2010. – 544 P.

Мальшева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Партизанская, д. 14, кв.72; 8-4217-54-65-35. E-mail: natasha@knastu.ru.

Ms. Natalia V. Malisheva – PhD in Philology, Associate Professor, Linguistics and Intercultural Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681000 Komsomolsk-on-Amur, 14 Partisanskaya St., ap. 72, tel.: 8 (4217) 546535, e-mail: natasha@knastu.ru

Сегодня становятся актуальными проблемы коммуникации как культурного феномена, как способа познания, выражения духовных ценностей, мира и окружающей среды. Вместе с тем проблемы неудовлетворительной языковой компетенции, «коммуникативных неудач», вызванных «общим слабым знанием языка» (22), привлекают внимание не только профессионалов-филологов, но и обывателей. В некоторых областях, таких, как СМИ, народное образование, бытовая речь, эту ситуацию иногда характеризуют даже как кризисную и требующую безотлагательного вмешательства со стороны государства и общественных организаций.

Рецензируемая книга представляет академическую, но в то же время достаточно эмоциональную позицию автора на специфику функционирования польского языка как национального в русле тех масштабных изменений, которые происходят в экономической, политической и социальной областях современного общества.

Повсеместная либерализация и демократизация, тенденция к самоидентификации как на уровне отдельного индивида, так и в масштабе страны, развитие технологий СМИ, когда каждый может создать некое сообщение и разместить во всеобщий доступ в Интернете, – все это имеет гораздо большее влияние на язык, нежели деятельность институтов, призванных формировать языковые компетенции. М. Бугайски задается вопросом, почему позиция лингвистов пассивна, почему «лингвистика описывает, объясняет языковые явления, а не стремится управлять ими»?

Данные проблемы типичны и для России, которая пытается проводить агрессивную языковую политику (Приказ Министерства образования, 2009).

Рецензируемая книга имеет значительный объем (544 с.), состоит из предисловия научного редактора, введения, пяти частей, заключения и библиографии. Книга имеет практическую ценность: автор призывает выработать критерии оценки языковых факторов (22), отказать от теоретических рассуждений, порой диаметрально противоположных друг другу, не всегда «ясных аргументаций ... которые провоцируют неустойчивость норм». Именно поэтому цель работы лингвиста заключается в том, чтобы совершенствовать язык, улучшать коммуникацию и решать «разнообразные проблемы правильности» (41).

Книга М. Бугайски имеет ряд достоинств, к которым, вне сомнения, можно отнести:

1) всесторонний и глубокий анализ практически всех разделов лингвистики с нормативных позиций: в книге рассмотрены как общефилософские вопросы соотношения языкового сознания и культуры, языка (44 – 186), так и более узкие – специфика и условия функционирования языка как особой семиотической системы (188 – 317), системные и текстовые обусловленности, внутриязыковые и внеязыковые причины языковых изменений (318 – 347), взаимосвязь языка и уровня развития цивилизации (348 – 389), функции языка в зависимости от территориальных и стилистических разновидностей, способы влияния на язык (390 – 442, 484 – 492);

2) весьма качественное и доступное изложение современных теорий коммуникаций. Так, в части «Коммуникационные аспекты языка» (443 – 498) коротко и ясно, с хорошими схемами, пересказывается весьма непростая теория коммуникации;

3) приведение большого количества примеров языковых явлений из польского языка для репрезентации глобальных процессов, затрагивающих разные языки и нации;

4) очерчивание реального и возможного круга проблем, с которыми сталкивается языковое сообщество: «все существенные для языковой коммуникации в Интернете проблемы будут концентрироваться на границе письменной и устной разновидностей языка и будут касаться текстов с меньшей степенью официальности или вообще полностью неофициальных»;

5) учет новейшей литературы: автор привлекает современные работы по общей и нормативной лингвистике.

Необходимо отметить, что термин коммуникация трактуется не в традиционном значении «процесс передачи информации». Коммуникация, по М. Бугайски, – это построение сообщества, что укладывается в этимологию данного слова (лат. *communicatio, communio*), латинский глагол *munio* означал «обеспечить, делать безопасным». Словарь польского языка XVI в. фиксирует лексему коммуникация в значениях: «соединение», «союз», «общность»; а коммуна – как «сообщество», «принадлежность к общественности» (96).

Таким образом, М. Бугайски рассматривает язык коммуникации как достояние культуры и говорит о нормативистике как о научной дисциплине, которая должна заботиться и создавать условия, глубокие основания для естественного и системного научно-обоснованного формирования современного языка как отражения культуры нации.

Автор отмечает, что нормативная польская лингвистика долгое время испытывала на себе влияние военных и послевоенных лет, когда происходила апелляция к практике и общественному значению науки о языке как средства идеологического воздействия.

Обращаясь к истории вопроса и кратко реферируя традиционные изложения развития нормативной лингвистики в Польше, Бугайски отмечает, что, несмотря на повышение интереса ряда лингвистов, а самое главное государства, к проблемам культуры и нормы в обществе, в целом данные исследования были и остаются на периферии интересов традиционного языкознания и лишены практической значимости.

Во второй части М. Бугайски дает анализ работам, посвященным проблеме языка, охране языка. По его мнению, неудовлетворенность состоянием дел, убежденность в возможности культивации языка характерна для польского народа с давних времен: в работах Слота «О хлебном столе», М. Богуцка, Я. Паркошвица, Нанкер герба Окша, Гжегожа из Санока, Яна Остроруга, признанных предтечами польской нормативной лингвистики и апологетами польского национального языка.

В XX в. предпринимались активные попытки влияния на состояние языка с помощью воззрений, воззваний, призывов: Воззвание Общества любителей польского языка (1962), «Защищая польский язык» (К. Зберский), «Письмо окольное в деле языковой правильности государственных бумаг», Словарь правильного польского языка Ст. Шобера и мн. др.

В 50-70-е годы XX в., как отмечает автор, преобладало «ляпсологическое» течение (А. Красновольский, А. Пассендофер, С. Слоньский, М. Налепинская), в рамках которого рассматривались и анализировались формы с точки зрения их правильности/ошибочности (137).

В этом же разделе актуализируется постулат о том, что язык – динамическое образование, он постоянно изменяется. В связи с этим лингвист не имеет права игнорировать новые факты и тенденции, опираясь только на кодифицированные формы. Знание внешних и внутренних обусловленностей языковых фактов позволяет лингвисту решать об их соответствии либо несоответствии общим тенденциям (101).

В третьей части представлен обзор развития нормативного подхода в польской нормативной лингвистике. Язык рассматривается автором как инструмент мышления и фактор культурного развития. Однако работа над языком не может пониматься только как борьба с ошибками, уничтожение «языковых сорняков», искоренение чужого налета или защита языка от искажения его пути развития: «Работа над языком «обязана» опираться на понятие

нормы, которое неразрывно связано с концепцией языка, понимаемого как социальная деятельность» (103). В связи с чем другие разделы лингвистики должны подчиняться нормативным установкам, т.е. нормативная лингвистика первична по отношению к ним: описательная грамматика должна подчиняться нормативным установкам, показывать факты, вытекающие из современных общественно-языковых форм; задачи исторической грамматики заключаются в объяснении процессов, вызвавших возникновение этих норм.

М. Бугайски указывает на важность социолингвистических факторов и их влияние на становление языковой культуры (149). В параграфах 6, 8 описаны два подхода в описании культуры языка: с позиций «культурной лингвистики», в которой язык трактуется как проявление социальной культуры (В. Дорошевский, З. Клеменевич, Э. Шманд), и с позиций структурной лингвистики, учитывающей только те явления правильности, которые касаются самого строения языка и не входят в состав индивидуальной культуры (А. Фурдаль) (119). Сторонники первого подхода (С. Гайда) описывают несколько видов норм – нормы, охватывающие все сферы употребления языка, выделяющие общий язык среди других разновидностей этнического языка, дифференцирующие общий язык на стилевые, территориальные, профессиональные и другие подгруппы.

Наличие различных видов норм поднимает вопрос о проведении языковой политики – заранее запланированных, осознанных действий организаций и отдельных людей (ученых, творцов, политиков), приносящих позитивные общественные плоды во всех областях, в которых человеческий язык играет заметную коммуникативную роль (147). Целью языковой политики должно быть такое формирование языка, которое приводит к достижению положительных результатов во внеязыковых сферах человеческой деятельности (150).

По мнению М. Бугайски, угрозу для языка представляет и «вторжение массовой культуры», которое значительно усилилось в последнее время (184). Массовость адресации сообщения способствует тому, что любое неправильное слово в неправильном контексте, употребленное неоднократно в СМИ, на конференциях, встречах, начинает восприниматься нормой. Возникает замкнутый круг – снижение грамотности приводит к тому, что СМИ приходится снижать уровень сложности сообщений, чтобы быть понятыми целевой аудиторией, что, в свою очередь, приводит к снижению культуры языка адресата.

В пятой части, а именно в параграфе «Современная медийная коммуникация», автор поднимает вопрос о роли средств масс-медиа в формировании литературного языка: «...одним из результатов этого явления уже сегодня стала неточность понятия и термина «литературный язык», поскольку художественная литература – как основной носитель польского языка – была вытеснена именно масс-медиа» (511). Далее М. Бугайски говорит о том, что изменились традиционные пропорции участия отдельных кодов в пользу иконных кодов, что связано с желанием заполучить как можно более широкую аудиторию: «...ровные колонки текста утомительны и из-за этого сложны для восприятия» (514), что еще раз подтверждает тезис о снижении культуры целевой аудитории.

Интересной представляется мысль о том, что, несмотря на все условия для беспрепятственного развития, современный польский язык во многих областях подвергается значительным ограничениям, причина которых заключается в повсеместном распространении английского языка.

Рассматриваемый лингвистом материал, глубина сделанных им выводов о языковых тенденциях, происходящих в польском языке в сфере нормативной коммуникации, имеют универсальный характер, что позволяет экстраполировать их на другие языки.

Книга представляет интерес для студентов-филологов, лингвистов и специалистов, интересующихся проблемами языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».